

Сказания Древней Японии

Автор:

[Садзанами Сандзин](#)

Сказания Древней Японии

Садзанами Сандзин

Эксклюзивная классика (АСТ)

Боги и богини, духи и призраки, герои и красавицы, императоры и полководцы, святые чудотворцы и грешные миряне...

«Сказания Древней Японии» – книга интересная и знатокам, и ценителям уникальной японской культуры, и людям, которые только начинают открывать ее для себя.

В первом разделе сборника перед читателем предстает причудливый мир японской синтоистской мифологии. Второй посвящен героически-историческим преданиям. А третий составляют истории-притчи поучительного характера, в которых народная фантазия причудливо преломила морально-этические и философские принципы буддизма.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Сандзин Садзанами

Сказания Древней Японии

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Момотаро

Давным-давно в некотором месте жили-были старик да старуха. Вот однажды старик отправился в горы резать хворост, а старуха пошла на реку полоскать белье. Так разошлись они каждый по своим делам.

Было как раз начало лета: толстым ковром стлалась по плотине ярко-зеленая трава, прибрежные ивы свешивали вниз свои зазеленевшие бахромчатые ветви. Все кругом было зелено, зелено так, что глаза разбегались. Время от времени набегал нежным дуновением ветерок, подымая мелкую рябь на поверхности воды и нежно лаская лицо. Хорошо было кругом!

Старуха поставила свое корыто в удобном местечке и, вынимая одну за другой промоченные рубахи и заношенное верхнее платье, погружала их в воду, такую чистую и прозрачную, что ясно можно было видеть, как выскакивала из-под камешков форель. Только и слышно было: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!

Вдруг выше по течению реки бухнул в воду преогромнейший, с копну почти величиной, персик и, раскачиваясь, пеня воду, поплыл по реке вниз.

– Какой прекрасный персик! – сказала старуха, увидев его. – Шестьдесят лет живу я на белом свете, а отроду еще не видывала такого громадного. И вкусен же, должно быть, он. Вот бы хорошо поймать его да сделать подарочек моему деду... – так рассуждала старуха сама с собою и протянула руку, но персика достать не могла.

Оглянулась кругом: как назло, нигде нет палки. Старуха задумалась, но вдруг ей пришла в голову новая мысль, и, обращаясь к персику, она крикнула:

– Дальняя вода горькая, ближняя вода сладкая. Не ходи в горькие места, иди сюда, в сладкое место! – Несколько раз повторила она это и подставила руки.

И вот удивительное дело! Персик понемногу, понемногу стал приближаться и наконец остановился подле старухи.

- Ага, попался! - воскликнула она и живехонько подобрала его.

Теперь ей стало уже не до стирки. Кое-как сложила она белье и поплелась домой, захватив персик в охапку.

«Обрадуется же старик, когда придет домой», - подумала она и стала его поджидать.

Наступил вечер; и вот старик идет домой, опираясь на топор, как на трость, навьюченный нарубленным в горах хворостом так, что даже головы не видно.

Завидев его, старуха побежала навстречу:

- О, старик, старик! Ты ведь и не знаешь, что я давно уже поджидаю тебя.

- А что? Случилось разве что-нибудь?

- Нет, все благополучно. Я приготовила тебе гостинец. Доволен будешь, когда покажу.

- Вот как! Ты очень внимательна, - сказал старик и, вымыв себе ноги, вошел в дом.

Старуха, с трудом обхватывая персик, поднесла его старику.

- Вот полюбуйся, - сказала она.

Увидев его, старик был поражен:

- Вот так персик! Где же ты купила такую штуку?

- Что? Я совсем не покупала его. - И старуха подробно рассказала все как было.

Слушая ее, старик все более и более удивлялся:

– Ну благодарю. А кстати, я проголодался. Давай-ка поскорее закусим персиком.

С этими словами он принес из кухни большой нож и, положив персик на лоток, совсем уже собрался разрезать его пополам. Только что хотел он сделать это, как вдруг – неслыханное дело! – изнутри персика раздался нежный детский голос:

– Подожди немного, старик!

В тот же момент персик с треском разделился на две половины, и оттуда неожиданно выскочил совсем еще младенец, мальчик.

Как тут не испугаться. Старик и старуха перетрусили насмерть и, ахнувши, запрокинулись назад.

Мальчик стал их успокаивать:

– Не пугайтесь, не пугайтесь. Я вовсе не страшное чудовище. Я спустился сюда по велению небесных богов. Вы оба горевали о том, что у вас до сих пор нет детей; боги прониклись жалостью и пожаловали вам меня. Примите меня как своего ребенка и воспитывайте.

Вот что говорил он им чистым звонким голосом. Как было не обрадоваться старику и старухе, когда они услышали это? Уже давно горевали они о том, что они стары, а детей у них все нет; и вот совершенно неожиданно небо дарует им такого прекрасного ребенка. Какая неопишуемая радость! Они не знали, что им делать, хлопать ли в ладоши, танцевать ли, и чуть с ума не сходили от радости. Старики стали воспитывать этого ребенка, которому дали имя Момотаро[1 - Момо – букв.: «персик», таро – приставка к имени старшего сына.], так как он вышел из персика, и нежно любили его, как любят бабочек, как можно любить цветы. Идут дни за днями, месяцы за месяцами; летит быстрокрылое время, и вот Момотаро исполнилось пятнадцать лет.

Как у ниспосланного небом, у него не могло быть, конечно, недостатков, ни телесных, ни духовных. Телом он был красив, духом мужествен, кроме того, он

обладал громадной физической силой – одним словом, это был богатырь, превосходивший всех и ставший уже сильным, красивым и доблестным мужчиной. Старик и старуха не могли нарадоваться.

Однажды Момотаро обратился к старику:

– Отец! Случайно вышло, что ты стал мне отцом, а я тебе сыном. Долгие годы и месяцы воспитывал ты меня. Беспредельна милость твоя; она выше горы, на которой косят траву, она глубже реки, в которой полощут белье. Я не знаю, как и выразить мою благодарность, – говорил Момотаро.

Старик смутился:

– Что ты, что ты! Можно ли говорить о такой безделице? Разве есть что-нибудь удивительное в том, что дети пользуются заботами и расположением родителей? А мы ведь стали тебе родителями, а ты нам сыном. Когда ты вырастешь, то в воздаяние за наши заботы ты будешь печься о нас обоих. Мы дали тебе не больше, чем получим от тебя. А что теперь ты толкуешь о благодарности, так ты этим только огорчаешь меня.

– А затем есть у меня одно дело, о котором боюсь и сказать, ибо неловко говорить об этом теперь, когда я еще ничем не воздал за оказанные мне милости. Есть у меня к тебе просьба, не откажи выслушать ее.

– Ты не похож на других людей, и твою просьбу я выслушаю.

– Так вот, прошу тебя, пожалуйста, отпусти меня теперь из дому.

– Что? Отпустить?

– На время только. Я скоро вернусь.

– А куда же ты решил отправиться?

– Ты не поверишь, даже если я расскажу тебе все подробно. На северо-востоке нашей Японии, далеко-далеко в беспредельном океане, есть остров, на котором живут черти. Злы и непокорны эти черти. Они не только не исполняют

повелений наших божественных правителей, но, напротив, совершают еще набеги на нашу страну, эту прекрасную равнину бамбука, уводят и пожирают людей, расхищают добро. Нет на свете ничего ненавистнее их; и теперь пойду я на них походом, сокрушу это отродье одним ударом и верну назад все награбленные ими сокровища, которых они накопили бесчисленное множество. Пожалуйста, разреши мне это, убедительно прошу тебя, – горячо говорил Момотаро, открывая старику все свои заветные планы.

Слушая его, старик удивлялся его смелым не по годам речам и в то же время надеялся, что Момотаро, такой богатырь на вид, да к тому же посланец неба, во всяком случае останется невредим. Хлопнув себя по коленям, он сказал:

– Удивительно! Как же могу удержать я тебя, когда ты говоришь такое. Я отпущу тебя, как ты просишь, но ты поскорее доберись до этого острова чертей, уничтожь их, прекрати несчастье и успокой нашу страну.

Момотаро был очень рад, что старик так легко согласился, и стал благодарить его. От радости мужество его увеличилось в десять раз, и, не откладывая в долгий ящик, он с этого же дня стал готовиться к походу.

Старик принял на себя хлопоты по снабжению его продовольствием в дорогу. Он принес давно уже припасенное им просо, поставил на полу в кухне большую ступку, и оба они, вместе со старухой, постукивая пестами, начали толочь просо, чтобы сделать из него колобки.

Но вот уже и колобки спели. Момотаро наладил свое дорожное платье. Вот он сейчас отправится в поход. Тяжелое дело разлука! Слезы стали туманить глаза стариков.

– Смотри же, будь осторожен, – говорил один.

– Благополучно возвращайся. Уж как мы ждать тебя будем, – добавила другая.

А голоса у обоих так и дрожали. Момотаро тоже был потрясен.

– Ну, я иду. Счастливо оставаться. Прощайте, прощайте...

А дальше и не мог уже сказать ничего и, оборвав свою речь, пошел из дому. Долго еще вслед ему смотрели старик и старуха; долго еще оглядывался Момотаро...

Распростившись со стариками, Момотаро быстро пошел вперед и вперед по дороге. Но вот солнце стало на полдень, и Момотаро почувствовал голод. Присев на корни дерева подле дороги, он вынул просяной колобок и начал его жевать. Вдруг из расстилавшейся перед ним покрытой травой равнины показался огромный пестрый пес величиною с доброго теленка. Приблизившись к Момотаро, он уставился на него и, оскалив клыки, начал грозить:

– Гав, гав! Что за непрошенный гость? Как смеешь ты ходить здесь по моим владениям, владениям князя Бути[2 - Бути – букв.: «пестрый»]. Отдай сейчас же мне всю снедь, которую ты ешь, а сам убирайся. А не послушаешь, так я тут же изгрызу тебя всего. Гав, гав! Гав, гав!

Момотаро засмеялся:

– Что ты городишь такое, захудалая собачонка! Я ведь иду войной на Чертов остров для блага нашей страны. Я – Момотаро. Если ты станешь препятствовать мне, то не жди пощады. Я сам разрублю тебя надвое с головы.

Тут пес словно опомнился. Поджав вдруг свой хвост, сделавшись совсем маленьким, он припал к земле и сказал почтительно:

– Я слышал раньше, что есть такой Момотаро, и теперь по незнанию только позволил себе говорить грубо с тобою. Прости, пожалуйста. – И, склонив свою голову к земле еще ниже, он продолжал: – Так ты идешь походом на Чертов остров? Прикажи мне следовать за тобою под твоим началом. Это будет для меня величайшим счастьем.

– Что ж! Если ты так желаешь, то я согласен взять тебя с собою.

– Как ты обрадовал меня тем, что сразу согласился. Ну а затем... Я тоже сильно проголодался. Выдели мне, пожалуйста, одну штучку из тех, что ты ешь.

– Это лучший во всей Японии колобок; целого я не могу дать тебе, а половину дам.

– Благодарю.

Тут Бути получил половину колобка и стал вассалом Момотаро. После этого они быстро зашагали по дороге.

Шли они горами, шли они долами, и все продвигались да продвигались вперед. Но вот однажды, когда они шли, с дерева, стоявшего у них на пути, соскочило вдруг с шумом какое-то животное и пало ниц перед Момотаро.

– Добро пожаловать, добро пожаловать, Момотаро! Ты идешь походом; пожалуйста, возьми меня с собою, – заговорило оно, но Бути, не дослушав до конца, злобно вытаращил глаза и залаял:

– Вассал у Момотаро – я, Бути. Разве ты, горная обезьяна, годна на что-нибудь в бою? Убирайся сейчас же отсюда, чтобы и следа твоего не было! Гав, гав! Гав, гав! – И он хотел вцепиться в обезьяну зубами.

Обезьяна, у которой испокон веков идет вражда с собакой, тоже не стала молчать.

– Что ты зазнаешься так?! – крикнула она, готовая схватиться за рукоятку меча.

Но меча у нее не было, и вместо этого она оскалила зубы и изогнула когти. Немного еще, и тут началась бы схватка, но вмешался Момотаро и развел их:

– Эй ты! погоди, куда лезешь? А ты, Бути, тоже успокойся.

– Напрасно это, – сказал Бути. – Эта горная обезьяна только опаскудит твою светлость.

– Ладно, это тебя не касается, – сказал Момотаро, удерживая Бути в стороне; затем обратился к обезьяне: – Ну, говори, что ты такое?

Обезьяна почтительно сложила обе лапы и сказала:

– Я живу в этих горах и называюсь Масирой[З - Масира – название породы обезьян.]. До меня дошли слухи, что Момотаро идет войной на Чертов остров, и я непременно желаю отправиться вместе. Извини, что я явилась без приглашения, но, пожалуйста, исполни мою просьбу: повели мне с сегодняшнего дня быть твоим вассалом; ты осчастливишь меня этим.

– Так ты говоришь, значит, что желаешь принять участие в моем походе на Чертов остров?

– Да, если будет твоя милость.

– Ну я удивляюсь тебе. Намерение твое похвально. Вот тебе половина лучшего в Японии коlobка. Я принимаю тебя в свои ряды.

С этими словами Момотаро дал Масире оставшуюся после Бути половину коlobка и сделал ее своим вассалом.

Так как Бути и Масира относились друг к другу далеко не дружелюбно и, случалось, затевали иногда драку, чем доставляли Момотаро немало хлопот, то в конце концов пришлось отделить их друг от друга, чтобы они не могли ссориться. Момотаро поручил Бути нести знамя и выслал его вперед авангардом, а Масиру он сделал своим оруженосцем и заставил идти за собой. Сам же он шел между ними, обмахиваясь восточным веером в металлической оправе. Так продолжали они свой путь без всяких происшествий.

Но вот однажды, когда они вступили в травяную равнину, неожиданно выскочила из-под ног у них какая-то птица. На ней была красивая одежда из перьев пяти разных цветов, а на голове ярко-красный хохолок.

Лишь только увидел ее Бути, как кинулся немедленно вперед, бормоча что-то про себя, и уже хотел было сразу схватить ее, но птица оказалась не из трусливых – она быстро изготoвилась к бою: сжав и выставив свой клюв, расправив когти, она высматривала только удобное местечко, чтобы клюнуть Бути насмерть.

Момотаро видел все это, и птица показалась ему очень занятной. Он подумал, что она могла бы сослужить ему службу, если сделать ее своим соратником.

Быстро подбежал он к ним и, удерживая буйного Бути, обратился к птице нарочно грозным голосом:

– Что ты такое, что решаешься чинить препятствие моему походу? Если ты сейчас же подчинишься мне, то я сделаю тебя своим вассалом, но если ты вздумаешь и дальше препятствовать мне, то я напущу на тебя вот этого Бути, и он раздробит твою башку в куски, – грозно сказал Момотаро.

Услыхав это, птица перепугалась и тут же пала ниц:

– О, я давно уже слышал, что есть Момотаро. Я, ничтожный фазан, называюсь Кигису[4 - Кигису - золотистый фазан.], живу в конце этого поля. Я не знал, что здесь изволит проходить такой великий воин, и безрассудно затеял ссору с благородным господином псом, обеспокоив всю твою свиту. Но ты, великодушный и благородный Момотаро, не только не наказал меня за эту грубую выходку, а, напротив, говоришь еще, что простишь мне мою вину, если я подчинюсь тебе. Как же я могу противиться тебе? Как ты изволишь приказывать, я совершенно подчиняюсь тебе. Повели, пожалуйста, мне, ничтожному, быть твоим соратником наравне с господином псом и этой госпожой обезьяной, почтительно и убедительно прошу тебя, – смиренно говорил фазан.

Момотаро улыбнулся в сторону:

– Что скоро принес повинную, за это хвалю. Мало того, беру тебя с собою в поход на Чертов остров с псом и обезьяной; смотри же, служи верой и правдой.

– Слушаю, – отвечал фазан.

Тут выступил опять Бути:

– Так, значит, эта тварь будет твоим соратником?

– Ты что это? Опять за свое? Я беру себе в товарищи кого хочу. Не твоего ума это дело.

– Слушаю.

– Знайте вообще, что первое правило на войне – это согласие между соратниками. Небом посылаемые явления: тепло, холод, дождь, снег – не так важны, как те преимущества, которые дает земля (складки местности, высоты и т. п.), но, в свою очередь, и выгоды земли не так важны, как согласие между воинами. В воинских правилах говорится, что если между воинами царит разногласие, то трудно победить врага, как бы он ни был слаб. Так вот, с нынешнего дня вы все трое будьте как один и заботьтесь о том, чтобы между вами были мир и согласие. Если же вдруг между вами начнутся ссоры и пререкания, то я тут же прогоню виновного.

С почтением и страхом выслушали все трое это строгое воинское приказание, и, пообещав, что отныне они будут относиться друг к другу с уважением, что между ними не будет ни ссор, ни споров, они крепко поклялись в этом.

После этого Кигису вступил в ряды воинов. Он был очень доволен, когда получил половину коlobка, и с радостью в душе последовал в арьергарде отряда. Великое дело – авторитет полководца. Животные стали очень дружны между собою и в точности выполняли все приказания Момотаро. Все войско поспешно двигалось вперед.

Чем больше спешили они, тем дальше и дальше продвигались – и вот дошли уже до самого моря. Куда ни глянь, всюду одно только беспредельное, пустынное, унылое море; нет даже маленького островка, чтобы было на чем остановиться глазу. С буйным рокотом набегают на берег грозные волны и, ударившись об него, с яростью отскакивают назад, и кажется, что какое-то чудовище, живущее на дне моря, подымает и волнует всю эту силу воды.

Бути, Масира, Кигису, все трое, привыкли жить на суше, и, как ни круты и опасны были горы, как ни глубоки и обрывисты были долины, они ничуть не боялись, но, когда они подошли к этому громадному, бурному морю, которое видели первый раз в жизни, они почувствовали страх. Остановившись у самой границы прибоя, они не говорили ни слова и только молча поглядывали друг на друга.

Заметив это, Момотаро нарочно заговорил суровым голосом:

– Что смутились, воины? Моря разве испугались? Ну если так, то вы жалкие, слабые насекомые. Если у вас нет мужества, то нечего и думать добраться до

Чертова острова, затерянного в далеком море. Лучше отправиться мне одному, чем вести с собою таких бесполезных товарищей. Я вас отпускаю. Ступайте назад, скорее, скорее!

Такие речи поразили вассалов, и они стали цепляться за Момотаро.

- Это ужасно с твоей стороны, Момотаро!

- До сих пор мы вместе с тобою переносили все невзгоды...

- Прогнать нас теперь... У тебя нисколько нет жалости...

- Что нам бурное море! Что нам скалы, скрытые в глубине его!

- Никогда и ничего не испугаемся мы!

- С тобою до конца...

- Убедительно просим! - упрашивали они все трое Момотаро в один голос. Откуда и мужество взялось.

Момотаро заметил это:

- Ну хорошо, я беру вас с собою. Смотрите только, не зевать мне! - И, ободряя своих соратников, он скорехонько снарядил лодку и пустился в путь по соленым волнам глубокого моря.

Как раз задул попутный западный ветер. Парус натянулся, как кожа на барабане, и ладья, пеня морские волны, полетела на восток с быстротою стрелы. Берег, на котором они только что были, стал заволакиваться туманом, и скоро его стало совсем не видно.

Сначала трое животных, соратники Момотаро, струхнули, но вскоре они привыкли и перестали бояться. Каждый день выходили они на нос лодки и только и были заняты тем, что высматривали, не видно ли уже Чертова острова. Наконец, чтобы избавиться от скуки, они стали рассказывать, чем каждый мог похвалиться, и изо всех сил старались блеснуть каждый своими

талантами. Пес становился на задние лапы; обезьяна показывала свое искусство передразнивать; фазан тоже не хотел уступить и громко распевал свою веселую песню: «Кен-кен, хоро, хоро». Все это веселило даже Момотаро, и он часто забывал скуку дальнего пути. Когда дул попутный ветер, они ставили парус, и ладья их летела еще с большей быстротой. И вот, как-то сразу, вдруг показался впереди Чертов остров. С моря видна была гладкая, словно резцом отесанная, скала, а на ней сплошная, кругом идущая железная ограда с железными воротами. Внутри ограды разбросаны были громадные многоэтажные здания, крытые железной черепицей; между ними развевалось бесчисленное множество знамен. Крепость эта была силы необычайной.

Став на носу и поставив щитом над глазами руку, всматривался Момотаро в крепость. Вдруг, вспомнив что-то, он поманил к себе Кигису, почтительно ожидавшего сзади:

– Твои крылья как разгодились кстати. Лети сейчас отсюда вон туда и сделай так, так и так... – Момотаро дал ему подробное наставление.

– Слушаю, понял, – отвечал фазан и тут же, не снаряжаясь долго, смело полетел, куда было приказано.

Быстро летел вперед Кигису, получив приказание полководца, и, опустившись вдруг на крышу замка как раз посреди Чертова острова, захлопал крыльями и громким голосом закричал:

– Эй вы, черти, живущие на этом острове, выслушайте хорошенько, что я вам скажу! Сейчас изволил прибыть сюда, чтобы покорить и наказать вас, славный военачальник великой Японии Момотаро, ниспосланный небесными богами. Если вы дорожите своей жизнью, то поскорее сломайте свои рога, выдайте сокровища и проявите покорность; если же вы вздумаете сопротивляться, то сначала я, а затем Бути и Масира, славные воины, примут вас на свои клыки, которыми они так хорошо владеют, и мы растерзаем вас на куски!

Слыша эти речи, негодные черти острова начали громко смеяться:

– Ловок же ты, однако, степной фазанишка! Ну не смешно ли слышать, что ты толкуешь о наказании? А ну-ка понюхай, чем пахнет эта железная палица... – И в то же мгновение один из чертей кинулся неожиданно к Кигису и ахнул

железной палицей с такой силой, что мог бы обратить его в пыль. Но не робок был Кигису.

– Ах ты хвастун! – воскликнул он, быстро увернувшись от удара.

Сжав свой клюв, клюнул он черта в самое темя и уложил его на месте одним ударом.

Тогда на него кинулся с палицей красный черт. Кигису клюнул его и проломил ему грудь. Затем одних из нападавших начал он бить своими когтистыми лапами, а других пронзать клювом. Таким образом, начал он бой с большим успехом.

Тем временем Бути и Масира быстро высадились на сушу и, разбив железные ворота главного портала, с криком ворвались в крепость.

Сначала черти думали, что у них один только неприятель, Кигису, но когда Бути и Масира, еще двое воинов, стремительно ворвались, как львы, в крепость, то они поняли, что дело приняло очень серьезный оборот, несмотря на то что они черти. Сейчас же были отданы разные приказания, и черти, красные, зеленые и черные, разделившись на три отряда, стали обороняться до последней крайности. Их страшный воинский клич потрясал берег и смешивался с шумом ревущего моря. Казалось, что разом рушатся и небо, и земля, и было так жутко, так страшно, что ни в сказке сказать ни пером описать.

Но обороняющиеся были застигнуты врасплох, а нападающими заранее были приняты все меры; и чем больше прибавлялось силы у нападающих, тем более слабели обороняющиеся. Наконец черти не в силах были сопротивляться и обратились в бегство. Одни из них падали в море и тонули в нем, другие разбивались, падая на скалы, а те, которые избежали этого, попадали под удары Бути, Масиры и Кигису. Не счесть даже, сколько их было перебито.

В конце концов на Чертовом острове остался в живых только один начальник, Большой черт. Видя, что сопротивляться невозможно, Большой черт бросил свою палицу, сам сломал свои рога и, представ вместе с сокровищами пред Момотаро, распластался перед ним на земле, как паук.

– Страшны твоя сила и мощь, Момотаро! Можно ли противиться им? С нынешнего дня я исправлюсь и буду совершенно покорен, пощади только мою жизнь, – униженно молил он, обливаясь потоками слез.

Момотаро презрительно рассмеялся:

– Ты молишь пощадить тебя. Не к рылу тебе такие слабость и малодушие. Но на тебе лежит большая вина. Много вреда наносил ты людям в течение долгих лет. Как же можно оставить тебя в живых?! Отсюда я поведу тебя в Японию; там, как полагается по закону, отрубят тебе голову и выставят ее напоказ, как черепицу на крыше. Знай, тебе не избежать этого.

Затем он тут же приказал связать его веревками и сдал под караул Масире. Потом приказал Бути и Кигису сложить в большой ящик и снести в лодку добычу – сокровища: плащ-невидимку, шапку-невидимку, волшебную колотушку бога счастья Дайкаку, от каждого удара которой получается золотая монета, драгоценные кораллы и жемчуг, – а затем, сев опять в лодку, они поплыли обратно, и Момотаро благополучно вернулся из похода. Очень обрадовались старик и старуха, поджидавшие его с нетерпением; даже слов не хватает, чтобы описать их радость... И зажили теперь они счастливо и богато.

Таманои

В глубокой древности, после того как зачались небо и земля нашей Японии, когда прошло уже семь поколений небесных богов, а земных богов три поколения, в четвертом их поколении был земной бог, божественный правитель земли, которого чтили под именем Хико-Хоходэми-но-микото[5 - Хико-Хоходэми – может приблизительно значить «принц – огненная любовь». Это имя труднообъяснимо. Микото – почетный титул, прибавляемый к именам синтоистских божеств в значении «божество», «божественный», «почитаемый».]. От рождения дано было ему в удел воинское мужество, которым превосходил он всех людей. Никто не мог соперничать с ним в дикой охоте, которой забавлялся он в горах и степях, вследствие чего и дано было ему прозвище Ямасати-хико[6 - Ямасати-хико – букв.: «принц – счастливая охота».]. Его старший брат, Хико-Хэносусори-но-микото[7 - Хико-Хэносусори – букв.: «принц – распространение огня».], в свою очередь, был необычайно искусен в ловле рыб, так что не было

ему соперника в этом. Он получил прозвище Умисати-хико[8 - Умисати-хико – букв.: «счастливая рыбная ловля».]].

Так жили братья, развлекаясь изо дня в день: Хико-Хоходэми – гоняясь за животными по степям и горам, а старший брат – ловя рыбу в морях и реках.

Однажды Хико-Хоходэми обратился к старшему брату:

– Слушай, уважаемый старший брат! Поделили мы с тобою горы и моря; ты ловишь рыбу своей удочкой, а я с луком и стрелами охочусь на животных, но мало удовольствия для нас обоих делать одно и то же изо дня в день, изо дня в день. Давай-ка поменяемся на сегодняшний день охотами. Отправляйся ты в горы за оленями, а я удочкой буду ловить рыбу. Таким образом мы внесем в свои занятия разнообразие, это будет очень интересно...

Старший брат хлопнул себя по колену:

– А и взаправду хорошо придумал ты это. Давай сейчас же поменяемся. Попробую-ка я поохотиться в горах.

Тут братья потолковали между собой; старший взял лук и стрелы младшего, а Хико-Хоходэми – удочку старшего брата, которую тот берег пуще глаза. Затем они расстались, отправившись каждый на непривычное дело: один – в горы, другой – к морю.

Получив удочку старшего брата, Хико-Хоходэми устроился наверху одной из прибрежных скал и, наживив непривычной рукой крючок, закинул его в глубину моря, ожидая, что вот сейчас поймается рыба. Во все глаза смотрел он на поплавок, но поплавок не шевелился; тогда он быстро подтянул удочку кверху и посмотрел. Ничего нет. Дело непривычное, ничего не скажешь! Тот самый Хико-Хоходэми, который своими луком и стрелами без промаха может свалить даже воробья, вылетевшего больше чем на сто шагов от него, теперь, взяв впервые удочку в руки, не может поймать хотя бы мелкой, снующей около него рыбешки. Солнце уже склонилось к закату, наступил вечер, а у него нет и одной штучки добычи. Мало того, удочный крючок, который одолжил ему брат, исчез бесследно.

– Что за несчастье! Я потерял крючок, которым так дорожил брат. Как же он разгневается!

В страшном беспокойстве начал он искать крючок повсюду.

Но вот, покончив с охотой и не добыв ничего, так как взялся не за свое дело, возвращается домой старший брат в самом скверном настроении. Непонятным показалось ему, чем таким занят брат.

– Что ты делаешь такое, младший брат? – спросил он.

Со страхом предстал пред лицом его Хико-Хоходэми:

– Видишь ли, господин старший брат, непростительное дело, правду говоря, сделал я.

– Какое непростительное дело?

– Я потерял где-то твой крючок, который ты так бережешь.

Не успел он еще договорить, как гневом сверкнули очи старшего брата.

– Что? Затерялся крючок? Это возмутительно! Ведь я же говорил, что не надо браться за дело, которого не знаешь, но ты настойчиво упрашивал, и, когда я, видя, что ничего не поделаешь, согласился поменяться занятиями, ты в конце концов устроил такую штуку. Пока не будет мне крючка, я не отдам тебе ни лука, ни стрел. Найди его и отдай мне. Марш скорее! – Он был вне себя от гнева.

Хико-Хоходэми наперед знал, что брат рассердится, и, сколько теперь ни упрекал его старший брат, сколько ни ругал, он терпеливо сносил это, считая, что виноват сам. Опять отправился он на поиски, но крючка нет как нет.

«Одно остается мне», – подумал он и вдребезги разбил свой заветный каленый меч. Сделал он из него пятьсот крючков и, преподнося их брату, стал просить прощения. Но и слушать не хочет его старший брат. Еще сделал он пятьсот крючков и, сложив в большую корзину, предстал с ними пред лицом брата, опять прося прощения.

Отрицательно покачал головой старший брат:

– Хотя бы десятки тысяч миллионов крючков понаделал ты, не нужны они мне... И не прощу я тебя до той поры, пока не принесешь ты мне того, старого крючка. Доставь его во что бы то ни стало, – говорил он с гневом, который нисколько не улегся в нем.

Так говорил он, но злой умысел был в душе его. Давно уже завидовал он Хико-Хоходэми и ждал только случая, чтобы уничтожить его, рассчитывая сам занять его положение. Коварство и честолюбие питал он в себе. Хико-Хоходэми давно знал это, но не шел против него, своего старшего брата. Нечего делать. С виноватым видом пошел он опять на тот же морской берег и начал искать крючок. Первый раз искал он его и не мог найти, а теперь прошло уже время, след его затерялся еще больше и найти теперь нечего и думать.

В раздумье стоял Хико-Хоходэми на берегу моря, скрестив руки. Вдруг, откуда ни возмись, показался старик, который шел сюда, опираясь на трость.

– Что изволишь делать ты один в таком месте, высокочтимый Хоходэми-номикото? – спросил он, как будто не зная, в чем дело.

– Видишь ли, я ищу здесь крючок и не могу его найти. Просто не знаю, что мне и делать. Но кто ты такой? – спросил Хико-Хоходэми, рассказав с печалью всю свою историю.

– Я называюсь Сёдзути-но-окина[9 - Окина – «старик», почетная приставка к именам известных чем-нибудь престарелых лиц. Сёдзути-но-окина – «старец соленая земля» (как, например, дно моря).], и я живу в этих местах. Печальную историю рассказал ты мне, и, конечно, ты должен чувствовать себя в затруднительном положении. Однако я думаю, что крючок этот если не на дне моря, то, наверное, в желудке у какой-нибудь рыбы, и сколько бы ты ни искал, не найти тебе его, видно, в этих местах.

– Что же делать в таком случае?

– Одно только остается тебе: отправиться во дворец Дракона и, рассказав всю историю Дракону, богу морей, повелителю этого океана, просить, чтобы он

изволил приказать произвести розыски. Вот наилучшее, что можно придумать.

– Конечно, это хороший план, но если говорить о дворце Дракона, то ведь он находится, как я слышал, далеко на краю океана. Нелегко, ох как нелегко добраться до него.

– Если только дело за этим, то не изволь беспокоиться. С твоего позволения я сделаю одну хорошую вещь и почтительно преподнесу ее тебе.

– Неловко мне затруднять тебя, но, пожалуйста, очень прошу.

– Ладно, – ответил старик и тотчас же, принявшись за работу, сделал мэнасикаго, т. е. безглазую корзину, называемую так потому, что в ней нет ни одной дырочки. Он сделал ее в форме маленького ялика и преподнес Хико-Хоходэми, который чрезвычайно был обрадован этим.

– Ну, теперь я скоро добуду этот крючок, а тебя я непременно награжу, как только вернусь благополучно. – И затем Хико-Хоходэми, как был, вошел в мэнасикаго.

Описав местоположение дворца Дракона, старец дал ему подробное указание относительно дороги и вдруг скрылся из глаз, как будто его совсем и не было.

Стоя в мэнасикаго, преподнесенной ему Сёдзути-но-окина, быстро поплыл Хико-Хоходэми через беспредельный океан к дворцу Дракона. Скоро, как и не ожидал, совершил он свой путь, и вот неожиданно показался перед глазами его дворец Дракона. По виду он нисколько не отличался от того, что слышал о нем Хико-Хоходэми. С фасада видны были главные ворота, крытые хрустальной черепицей, перед воротами стояло громадное дерево, кацура[10 - Кацура - кассия (*Cercidiphyllum japonicum*).], а под его ветвями находился прозрачайший колодец, который носит название Таманои[11 - Таманои - букв.: «нефритовый колодец». Нефрит считается волшебным, чудодейственным, благовестным камнем.].

Увидев это, Хико-Хоходэми сейчас же вспомнил все наставления, полученные им от Сёдзути-но-окина, но, к несчастью, ворота дворца оказались запертыми и кругом не видно было ни души. Хико-Хоходэми был в нерешительности, что ему делать, но вдруг ему пришла в голову мысль. Вскарabкавшись осторожно на

стоявшую около колодца кацуру, он уселся на развилину, образованную стволом и веткой, и с облегчением перевел дыхание.

Вдруг с визгом растворились ворота дворца, и оттуда показались две писанные красавицы. Он слышал, что дворец Дракона – это тот замок, в котором обитает Дракон, и потому думал, что все его обитатели, подданные Дракона, нечто вроде зеленых змиев, но эти изящные, медленно, с достоинством выходящие из ворот девушки оказываются такими красавицами, каких и на суше не часто встретишь... Хико-Хоходэми был поражен. Не говоря им ни слова, начал он наблюдать с высоты дерева, что они будут делать.

Девушки, не подозревая ничего, подошли к колодцу и заглянули в него, собираясь зачерпнуть воду золотым черпаком. Что за неожиданность! На зеркальной поверхности воды отражалось красивое благородное лицо, каких они не привыкли здесь видеть. Девушки были поражены. Отступив назад, взглянули они вверх, на стоящую тут кацуру. На ветви ее сидел благородной осанки, словно с неба спустившийся, мужчина. Молча, ни слова не говоря, поглядывали одна на другую пораженные неожиданностью девушки.

Сообразив, что он замечен, Хико-Хоходэми спустился с дерева и, обращаясь к обеим девушкам, сказал:

– Я странник, давно уже хочется мне пить, в горле совсем пересохло, за этим и пришел я сюда, но, на мое несчастье, нигде не мог найти черпака, и вот как раз на эту мою беду пришли вы. Простите мою невежливость, но не откажите мне в глотке воды, – молвил с благородством и достоинством Хико-Хоходэми.

На девушек подействовала его величавость; они, кажется, оробели. Не говоря ни слова в ответ, зачерпнули воды и, наполнив нефритовую чашку, поднесли ее Хико-Хоходэми, который взял ее и, не успев даже закончить своей благодарности, осушил ее одним духом.

Затем он отделил одну из жемчужин от висевшего у него на шее драгоценного ожерелья и, не раздумывая, опустил ее в чашку, которую возвратил девушкам со словами:

– Это в знак моей благодарности.

Когда девушки, получив обратно чашку, заглянули в нее и увидели положенную туда красивую жемчужину из ожерелья, они опять изумились и подумали про себя, что не из обыкновенных, должно быть, он людей, если с таким легким сердцем дарит дорогую жемчужину из драгоценного ожерелья.

– Если нет для тебя ничего тяжелого в этом, то удостой нас узнать твое имя, – самым вежливым образом сказали они ему.

Хико-Хоходэми улыбнулся в сторону и сказал:

– Теперь я скажу все без утайки. Я божественный властитель Хико-Хоходэми из четвертого поколения земных богов.

– Так ты изволишь быть Хоходэми-но-микото, божественный потомок небесных богов?

– А я Тоётама-химэ[12 - Тоётама-химэ – букв.: «богатая принцесса». Хи-мэ – почетная приставка к именам знатных девушек.], дочь Дракона, бога морей.

– А мое имя Тамаёри-химэ[13 - Тамаёри-химэ – букв.: «принцесса, опирающаяся на жемчуг».], я младшая сестра ее.

– Вот как! Вы обе дочери князя Дракона. Какое счастье, что я встретился с вами! Не скрою от вас ничего. Я обронил в море рыболовный крючок своего старшего брата. Что я ни делал, никак не мог найти его и совсем потерял было голову. На мое счастье, нашелся такой старик, Сёдзути, он научил меня, как найти дорогу во дворец Дракона; и вот я специально прибыл сюда, чтобы повидаться с Драконом и просить его разыскать этот крючок. Если можно, проведите меня, пожалуйста, к вашему отцу. – Он рассказал дело во всех его подробностях.

Внимательно слушала его Тоётама-химэ, а потом сказала:

– Нет ничего легче этого. Ты, божественный потомок небесных богов, соизволил снизойти сюда на дно моря, – счастье, о котором мы не смеем даже просить, и отец наш, вне сомнений, будет несказанно рад. Не так ли, Тамаёри-химэ?

– Я могу только подтвердить слова принцессы, моей сестры. Это небывалое счастье для всех нас, начиная с отца и заканчивая нами.

– В таком случае попрошу проводить меня.

– Соболаговоли следовать за нами.

И вот, точно в театре, став впереди, обе сестры-принцессы повели Хико-Хоходэми во дворец.

Тамаёри-химэ пошла вперед и рассказала отцу, Дракону, все происшествие. Дракон был поражен:

– Какая честь! Сам божественный потомок небесных богов. Надо получше принять его.

Он отдал приказания своим придворным, рыбам, всем выйти навстречу в сени, а сам, надев парадное платье, оправив головной убор, пошел вместе с женой и домочадцами встретить Хико-Хоходэми; взяв за божественную руку, он провел его на почетное место, а затем, сделав глубоко почтительный поклон, по этикету сказал:

– Впервые имею честь встречаться с тобой. Я владыка этого дворца, а это моя жена. Покорнейше прошу любить и жаловать.

Хико-Хоходэми вежливо отвесил ему церемонный поклон и отвечал:

– Так ты могущественный Дракон, о котором я слышал? Извини, что я так неожиданно-негаданно нагрянул сюда и причинил тебе этим хлопоты.

– Помилуй! Что ты говоришь! Грязна и убога моя хижина, и стыжусь я предлагать тебе, но если не противна она тебе, то почтительно прошу, располагайся здесь, живи как у себя дома.

Так рассыпался в любезностях Дракон, и от души были слова его. А в то же время, пока шли еще взаимные приветствия, самые красивые и осанистые из подвластных ему разных рыб, выполняя заранее полученное ими приказание,

оделись в придворные женские платья и принесли на треножнике большой ковш и маленькие глиняные чашечки для сакэ[14 - Сакэ – рисовая водка, выделяемая в Японии.]. Затем наложили они на большой столик-блюдо целые груды отборных яств – морских и горных, хотелось бы сказать, но так как это был дворец Дракона, то, значит, только морских – и поставили все это перед Хико-Хоходэми. Затем Дракон заставил обеих своих дочерей играть на кото[15 - Кото – музыкальный инструмент вроде большой арфы.] и танцевать.

Одним словом, пир удался на славу.

Хико-Хоходэми был чрезвычайно доволен, и на душе у него стало легче, но вдруг он вспомнил о своем деле. Обратившись к Дракону, он сменил тему разговора и сказал:

– Вот что, хозяин! От дочерей своих ты слышал уже, вероятно, что я спустился сюда теперь, чтобы отыскать рыболовный крючок своего брата. Поэтому, как ни неловко мне затруднять тебя, соблаговоли провести расследование между твоими подданными.

Почтительно сложив руки, отвечал ему Дракон:

– О! Не изволь утруждать себя заботой об этом деле. Сейчас же отдам я приказания и произведу расследование.

Вслед за тем собрал он своих подданных и приступил к следствию по поводу крючка.

Собрались покорные зову Дракона, повелителя своего, подвластные ему рыбы. Явились осьминог, важный титулованный буддийский монах с бритой головой; Каракатица, недавно удостоенная монашеского сана; член Государственного совета и верховный судья Окунь; Бонит[16 - Бонит – рыба из семейства скумбриевых (*Thunnus pelamis*).], губернатор провинции Тоса[17 - Тоса – одна из провинций на Сикоку; в Тосе очень много бонитов.]; член Верховного суда Двухзубка[18 - Двухзубка колючая – рыба из семейства иглобрюхих (*Tetrodon*); ее мясо очень вкусно, хотя в некоторые периоды года бывает ядовито.]; Коти[19 - Коти – рыба из семейства плоскоголовых (*Platycephalus*).], управляющий уделами; хранитель левых ворот дворца Угорь; Медуза, бонза; дворцовый конвоир Морской рак... и вплоть до низшего служки Камбалы. Явились все они

в разнообразных одеждах и расположились рядами, оправляя свои плавники.

Дракон обратился к ним с речью:

– Я призвал вас по следующему делу. Оказавший нам честь присутствовать здесь изволит быть божественным государем четвертого поколения земных богов; Хико-Хоходэми-но-микото величаться изволит он. Вчера, забавляясь рыбной ловлей на японском берегу, Хико-Хоходэми закинул в море удочку, и вот кто-то, неизвестно кто, украл крючок и удрал, скрывшись бесследно. Это сделал непременно кто-нибудь из вас, поэтому и снизошел он специально за этим сюда. Так вот, если сделал это кто-нибудь из вас, то почтительно представь крючок сейчас же Хико-Хоходэми, а если кто-нибудь хотя и не крал крючок сам, но знает, куда скрылся вор, то немедленно без утайки заяви об этом здесь же... – так строго-настроено наказывал Дракон.

При такой неожиданности все стали поглядывать друг на друга, но вот выдвинулся с важностью вперед судья, Окунь, и сказал:

– Почтительно и со страхом докладываю, что, по моему мнению, вор, укравший этот крючок, вероятно, не кто иной, как главный дворцовый ключник, Тай[20 - Тай – пагр, или мрежник серебристый (*Pagrus cardinalis*).].

– А доказательства?

– Вот они. Со вчерашнего вечера у Тая ни с того ни с сего заболело горло, так что он не может даже есть. Если его освидетельствовать, то крючок окажется еще, вероятно, у него во рту, и я думаю, что надо произвести поскорее это расследование, чтобы установить, правда это или нет, – сказал он, а следом за ним и все остальные.

– И в самом деле, ведь один только Тай и не явился сегодня по зову. Подозрительно это что-то. Надо сейчас же призвать его сюда и произвести расследование, чтобы снять подозрение с нас. Убедительно просим об этом, – говорили они все разными ртами, но в один голос.

Услышав это, Дракон сказал:

– Действительно, ключник Тай всегда являлся по зову первым, сегодня только его и не видно, это подозрительно. Представить его сейчас же сюда!

Не успел он еще отдать своего приказания, как Окунь, ответив: «Слушаюсь», сломя голову кинулся прямо в жилище Тая и явился вместе с ним опять пред лицом Дракона.

Краснощекий раньше Тай стал совсем не похож на себя. Он весь позеленел и едва двигался.

С закрытыми наполовину огромными глазами почтительно остановился он перед Драконом.

– Ну ты, главный дворцовый ключник Тай, по какой такой причине не явился ты сегодня сюда по моему приказу?

– Смее доложить, по той причине, что со вчерашнего вечера я немного приболел...

– Молчать! Эта болезнь твоя не что иное, как небесное наказание за то, что ты украл крючок Хико-Хоходэми.

– Так точно, все так, как ты изволишь говорить. Крючок Хико-Хоходэми застрял у меня в горле; он не только не дает мне есть и дышать, но и причиняет еще невыразимые страдания, невыносимую боль. Но совершил я этот проступок под влиянием минуты, и не было у меня такого умысла, чтобы украсть крючок и убежать. Боюсь говорить, но все же униженно прошу простить мою вину, – говорил Тай, горестно вздыхая.

Тогда выступил вперед Окунь и сказал:

– Как я докладывал, так и оказалось. Крючок в горле у Тая, надо тут же немедленно достать его и представить Хико-Хоходэми.

– О! Я тоже так думаю. Ну-ка, Окунь, достань его.

– Слушаюсь, – ответил Окунь.

Подойдя к Таю, он без труда достал крючок из широко раскрытого рта и, тщательно обмыв его, подал Дракону. Дракон взял крючок и с глубокой почтительностью преподнес его Хико-Хоходэми.

Необычайно обрадован был Хико-Хоходэми, получив наконец крючок. Восхваляя могущество пресветлого Дракона, не переставал он благодарить его. Дракон укорил Тая в нечестности и пригрозил, что расправится еще с ним за это преступление, но Хико-Хоходэми остановил его:

– Хотя крючок украден Таем, он возвращен мне; не следует наказывать особенно строго за это. Тем более надо сожалеть, что, если принять во внимание его показания, он совершил этот поступок не умышленно, а под влиянием минуты и сам же причинил себе этим страдания. Это моя собственная ошибка, что я взялся за дело, к которому не привык, стыдно даже вспоминать об этом, прости Таю вину его ради меня.

Дракон был тронут таким заступничеством, полным милосердия и сострадания.

– Могу ли я противиться таким благородным и великодушным речам? – сказал он и тут же дал помилование Таю.

Рад был и Тай, и, пошевеливая радостно плавниками, стал он восхвалять перед рыбами доброту Хико-Хоходэми, а затем удалился от пресветлого лика Дракона.

Ну вот, самое важное, что крючок благополучно отыскан и во дворце Дракона делать Хико-Хоходэми больше уже нечего. Но и сам Дракон, и обе его божественные дочери полюбили благородного и добродетельного Хико-Хоходэми и убедительно, чуть ли не удерживая за рукава, упрашивали его остаться еще и еще на один день. Не из камня и не из дерева было сердце у Хико-Хоходэми; опутанный нежными путами теплого участия, продолжал он пребывать во дворце Дракона.

Сменяются солнце луною и луна солнцем, быстро несется вперед неудержимо текущее время. Ничего не изменилось на этом свете, неизменным оставалось все и во дворце Дракона, но прошла весна, миновала осень... протекли уже три года.

Немалый срок три года для короткой остановки на ночлег в пути. С каждым днем все больше и больше овладевали сердцем Хико-Хоходэми думы о возвращении домой, а к тому же еще он стал беспокоиться о судьбе своего брата. И вот обратился он однажды к Дракону с такими словами, чтобы высказать ему свое решение:

– Долго уже пользуюсь я твоим гостеприимством, но под управлением у меня находится большая страна на суше, и негоже мне навсегда оставаться здесь, на дне океана. Потом я опять как-нибудь опущусь сюда, но теперь я хочу сейчас же вернуться на сушу, возвратит брату крючок и смирить этим его гнев. Невыразимо жаль мне расставаться, но в первый же счастливый день отныне уйду я отсюда; прошу тебя, не думай дурно обо мне.

Печалью омрачилось лицо Дракона, когда он услышал это, и, утирая слезы, он сказал:

– Сколько бы ты ни оставался здесь, всегда будешь для нас дорогим, желанным гостем, но ты потомок небесных богов, правящий на великой суше, и, конечно, не годится тебе оставаться здесь. Об одном только попрошу тебя: пусть в знак твоего пребывания здесь будет еще крепче, чем прежде, общение между морем и сушей.

Так от всего сердца, от всей души говорил Дракон, а затем приказал обеим дочерям своим, Тоётама-химэ и Тамаёри-химэ, принести два круглых камня – талисманы.

– Эти вещи называются мандзю и кандзю, это сокровища Драконова дворца, завещанные от предков. Прими их, этот мой ничтожный прощальный дар.

– Я не знаю, как и благодарить тебя. Но что же это такое – мандзю и кандзю?

– Слушай. Вот этот мандзю – это талисман, вызывающий воды прилива. На какое бы сухое место ни попал ты, но подыми его раз кверху, и сейчас же, как по зову, придут воды и зальют все. Таково чудодейственное свойство его. А вот этот, который называется кандзю, – это талисман, осушающий воды прилива. С какой бы силой ни шло наводнение, но подыми его раз кверху, и воды тотчас же отхлынут. Таков этот чудесный, удивительный талисман. Носи их, Хико-Хоходэми, постоянно на себе, и тебе нечего будет бояться, в какую бы беду ты

ни попал; но мало того, они годны и для того, чтобы прекращать бедствия, причиняемые рисовым полям засухами и наводнениями.

Дракон еще раз объяснил способ пользования этими талисманами. Хико-Хоходэми был очень обрадован, тотчас же положил он оба талисмана за пазуху и, не переставая прощаться, вышел из ворот Драконова дворца. Усевшись на приготовленного для него заранее восьмисаженного крокодила, который служил лодкой для обитателей дворца, он быстро направился домой в Японию.

Мэнасикаго – для пути вперед, восьмисаженный крокодил – для обратного, оба судна чудесны. Такие чудеса, такие средства передвижения, быстроте которых уступают даже нынешние парусники и пароходы, могли существовать только тогда, в век богов.

Вернувшись в родную страну, Хико-Хоходэми сейчас же поспешил к своему брату и, представив ему вытащенный изо рта Тая крючок, вежливо и покорно стал просить извинения и прощения.

Но дело в том, что коварный старший брат, упрекая тогда Хико-Хоходэми в утере крючка и заставив его из-за этого отправиться во дворец Дракона, сам в его отсутствие захватил власть над страной. Как раз в то время, когда он стал считать себя настоящим властелином, когда почувствовал в себе уже гордыню власти, неожиданно возвращается Хико-Хоходэми и отдает ему крючок. Все его старания, все его заботы разлетелись, как пузыри на воде, и, потерпев неудачу в своих планах, возненавидев в глубине души Хико-Хоходэми еще больше, замыслил он в конце концов злое дело. Подстерегши Хико-Хоходэми, ушедшего на охоту в одиночку, он решил убить его.

Хико-Хоходэми вовремя успел догадаться и, решив, что теперь как раз пришло время испытать действие талисманов, вынул из-за пазухи мандзю и поднял его на уровень своего лба. Удивительное дело! В мгновение ока все рисовые поля вокруг обратились в беспредельный океан, и воды готовы были вот-вот поглотить старшего брата.

Насмерть перепугался старший брат и, отфыркиваясь от заливавшей его воды, начал молить о спасении. Вынул тогда Хико-Хоходэми кандзю и поднял его вверх. Тотчас же отхлынули воды назад, как будто кто вытер их досуха. Вокруг по-прежнему опять были рисовые поля.

Чудом спасшийся от смерти старший брат проникся страхом перед чудом, совершившимся у него на глазах.

– И тебя, Хико-Хоходэми, обладающего такой мощью, хотел я погубить! Велика вина моя. Хотя ты и младший брат мой, но буду почитать я тебя как властителя, правителя Японии, и никогда не пойду против тебя. Мои прежние грехи смыты и унесены этой водой. Будь милостив, даруй мне прощение, – молил он, сложивши руки.

И с этого времени угасло зло и коварство в душе его, он стал добродетельным и хорошим.

И счастливо правил Хико-Хоходэми, и был на земле его мир, и в стране его были благодать и покой.

Мечь Краба

В незапамятные времена жили-были в некотором месте Обезьяна и Краб[21 - Краб – морской короткохвостый рак.]. Однажды они отправились вместе на прогулку, и вдруг неподалеку от одной реки Обезьяна нашла семечко плода каки[22 - Каки – хурма, персимон (*Diospyros kaki*).], а Краб – рисовый колобок.

– И что за прелесть мне попалась! – начал первым Краб.

– А у меня вот что! – сказала Обезьяна, показывая зернышко каки.

Обезьяне было очень завидно. Как ни любит она каки, но от зерна ей проку мало, колобком же можно сразу закусить. Ей во что бы то ни стало захотелось колобка, и, замыслив непременно разжиться им, она с серьезным видом обратилась к Крабу:

– А что, господин Краб, не хочешь ли ты обменять свой колобок на мое семечко?

Краб отрицательно покачал головой и отрезал:

– Не имею ни малейшего желания. Какой мне расчет меняться – у меня вот какой громадный колобок, а у тебя совсем маленькая штучка.

– Так-то оно так, да не совсем так. Что и говорить, колобок, конечно, побольше зернышка, опять же его можно сейчас и съесть, но зато съел его, тут и конец всему, больше уж тебе не будет никакого удовольствия. То ли дело вот это семечко. Правда, скушать сейчас же его нельзя, но зато если посадить в землю, то скоро вырастет большое дерево, а на нем будет сколько угодно превкуснейших каки. Мне, правду говоря, жаль даже отдавать его тебе, но у меня их много, и мне хотелось бы, чтобы ты сам убедился, как много созревает плодов. Поэтому только я и предложила тебе поменяться. Не хочешь, так не стану особенно и упрашивать, унесу к себе домой и посажу там, но зато, когда поспеют плоды, ты не получишь ни одной штучки.

Обезьяна ничуть не сердилась, не выражала ни малейшего недовольства и знай себе напевала да напевала Крабу, ловко опутывая его.

Простоватый от природы Краб легко пошел на приманку:

– Ну, попробую посадить, коли так.

– В таком случае давай сюда твой колобок.

Добившись-таки от Краба колобка, Обезьяна торопливо запихала его в рот и начала жевать, боясь, чтобы Краб не передумал. Свое семечко она передала Крабу, стараясь показать при этом, что ей жаль расставаться с ним.

На том и распрощались.

Ну вот понес Краб семечко к себе домой и, как только добрался до дома, сейчас же посадил его, как учила Обезьяна, у себя в саду. Скоро показались ростки, а затем, лист за листом, веточка за веточкой, стало дерево с каждым днем все расти да расти. Это очень забавляло и радовало Краба, он испытывал громадное наслаждение при мысли о том, что скоро дерево станет большим и на нем появится много плодов.

Правду говорят, что для каштана и персика надо три, а для каки – восемь лет. Как раз на восьмой год осенью прежнее зернышко, величиной всего с кончик мизинца, превратилось в такое большое дерево, что на него надо было смотреть, задирая голову, и точь-в-точь, как говорила Обезьяна, все оно было увешано, словно бубенчиками, красными вкусными каки.

Краб был в восхищении. Ему очень хотелось поскорее попробовать каки, но, как ни старался он достать их снизу, увы, никак не мог захватить их своими клешнями, так как был очень низок ростом. Забраться на ветви дерева тоже никак нельзя: он ведь может двигаться только в одном направлении – только вбок. Как тут быть?

«Нет, – подумал он, – одному мне тут, видно, ничего не поделаться; остается только идти к своей приятельнице Обезьяне и просить ее обобрать для меня плоды с дерева. Да, это самое лучшее».

Одним духом прикатил Краб к жилищу Обезьяны:

– Дома ты, госпожа Обезьяна?

– А, господин Краб! Милости просим, давненько не видались.

– Давненько-то давненько. А за это время то самое семечко, что я когда-то выменял у тебя на колобок, выросло в громадное дерево.

– Вот видишь, я ведь говорила тогда. Ну а как плоды, много их?

– Целая уйма... Только вот в чем штука. Ног у меня, как ты сама знаешь, очень много, но при всем том я все же не смог залезть на дерево и не добрался до плодов, которые вырастил с такой заботой. Ну не досадно ли? Совестно мне затруднять тебя, госпожа Обезьяна, но что делать? Пожалуйста, сходи нарви их мне. В награду за твой труд я дам, конечно, тебе одну-две штучки.

– Помилуй, такие пустяки, какая тут награда! Ведь мы же с тобой приятели, кажется. Сию минуту я пойду и нарву их тебе.

Выразив так легко свое согласие, Обезьяна отправилась вместе с Крабом. Пришли они к жилищу Краба. Глянула Обезьяна на дерево... А и правда! Дерево стало таким большим, что шапка валится смотреть на него, и все оно увешано красными спелыми плодами.

- Красиво, что и говорить; и хороши же должны быть плоды.

- Ну об этом потом будем толковать, а ты вот полезай скорее на дерево, рви да давай сюда.

- Ладно, сию минуту.

Обезьяна изготовилась и быстро вскарабкалась на дерево. Сорвав в мгновение ока одну штуку, она начала есть.

- Гм, первый сорт, лучше этого и быть не может.

Краб под деревом беспокойно завозился:

- Эй! Да ты никак сама наперед ешь? Ну, это совсем из рук вон что такое.

- Это я пробую, не ядовиты ли они. - Она опять сорвала каки и начала жевать.

- Ты опять ешь. Не смей есть там одна, бросай сюда!

- Ладно, сейчас брошу. - И она бросила одну штуку.

Живехонько подобрал Краб плод и изготовился чуть ли не целиком проглотить его, но... О ужас! Терпкая горечь связала ему язык, зубы.

- Это совсем горький, ты давай, пожалуйста, мне спелых.

- Ну а этот как?

Краб пожевал, пожевал и сплюнул - опять зеленый.

- И что ты только там привередничаешь? Ну вот тебе, вот!

Обезьяна изо всех сил стала бросать совершенно зеленые, твердые как камень плоды, попадая ими Крабу в голову.

- Ой, больно! - не выдержал Краб, падая навзничь.

Обезьяна швырнула еще раз.

- Больно, больно! Что ты делаешь?

- Да что мне тут толковать с тобой, все эти каки мои, а ты пропадай пропадом, издыхай совсем.

Затем разбойник-Обезьяна, как градом, стала сыпать совсем зелеными каки, разбив ими без сожаления Крабу вдребезги весь его панцирь. Заметив наконец, что он уже совсем не дышит, она сорвала все до последнего спелые каки и, захватив их в охапку, без оглядки пустилась домой.

У Краба был сын; в этот день он как раз отправился на прогулку со своим товарищем к одному дальнему озеру. Но вот он вернулся с прогулки - и какой же ужас застал дома! В саду под деревом лежал отец его Краб. Панцирь и клешни были разбиты вдребезги. Он уже не видел, он уже не слышал, он был Крабом уже того мира.

Видя это, Краб-сын чуть не помешался. Горько, безутешно начал он рыдать, обхватив бездыханное тело своего отца. Увы! Не вернуть его этим к жизни. Остается одно - отомстить за смерть отца, убив врага. Но кто же сделал это? Где он? Как найти хоть какие-нибудь следы? С удрученным видом оглядывался юноша кругом. Тут он заметил, что от тех красивых спелых каки, еще вчера висевших на дереве, не осталось и следа. Кругом валялись во множестве только зеленые, несозревшие плоды, которыми, вероятно, и разбит был панцирь его отца.

Молодой Краб хлопнул себя по колену:

– Ну, теперь понимаю. Очевидно, это дело рук Обезьяны. Не раз слышал я от отца, что давно как-то, когда он прогуливался около реки с Обезьяной, он выменял у нее на рисовый колобок семечко каки, которое и посадил вот здесь. Значит, теперь этой подлой Обезьяне захотелось воспользоваться плодами каки, вот она и убила моего отца так по-разбойничьи. Так оно и есть, она унесла все спелые каки, только зеленые и оставила. Ну захотелось тебе покушать каки, что ж тут такого? Скажи ты об этом отцу, и он, конечно, поделился бы, но убить так бесчеловечно и убежать! погоди же, подлейшая Обезьянишка, скоро я заставлю тебя узнать, как умеет мстить Краб.

Он рассердился так, что начал фыркать, изрыгая пену, и глаза налились кровью, потом начал думать опять.

– Как-никак, а Обезьяна – существо, умудренное житейским опытом; она сумела убить так ловко даже моего отца, где же мне с моими детскими силами справиться с нею?

Так и сяк думал он и совсем расстроился, не видя никакого выхода из этого положения, но вдруг у него словно просветлело в голове. Отец его всегда был в большой дружбе с каменной Ступкой. Эта Ступка прежде была простым камнем в каменной ограде, где жил старый Краб, но затем она была замечена людьми и сделала блестящую карьеру, добившись высокого звания Ступки. От природы она непоколебима в принципах и такого характера, что не пойдет назад, если даст обещание.

Если ей рассказать всё и попросить сделаться пособником в отмщении, то она, наверное, не откажет. Не откладывая в долгий ящик, молодой Краб отправился прямехонько к Ступке. Будучи принят ею, он с рыданиями рассказал все обстоятельства ужасной, незаслуженной смерти своего отца. Слушая его, Ступка глубоко расстроилась и всячески утешала молодого Краба.

– Какое злодеяние! – говорила она. – Могу представить себе, как ты должен быть огорчен, но не беспокойся, пожалуйста, я отомщу, убью врага. А все же враг-то ведь Обезьяна, и не так-то легко справиться с нею. – Затем она послала своего слугу просить пожаловать к себе Печеного Каштана, мастера стрелять из ружья, и Большую Осу, учительницу фехтования на копьях. Ступка давно уже находилась с ними в дружбе.

Когда Каштан и Оса пришли к Ступке, раздумывая, зачем она звала их, она обратилась к ним с такой речью:

– Очень благодарна вам, что скоро пожаловали. Я осмелилась побеспокоить вас по следующему делу. Я пользовалась чрезвычайными милостями со стороны батюшки присутствующего здесь Краба. Теперь (она рассказала подробно все) он понес незаслуженную смерть от Обезьяны, и я решила помочь этому господину, молодому Крабу, отомстить за смерть его отца, но противник наш – известный и ловкий смельчак Обезьяна, и не так просто и легко убить ее. Мне хотелось бы просить вас обоих сделаться также участниками этой мести. Вот почему я побеспокоила вас, прося прибыть сюда. Помогите, пожалуйста, убить эту подлую Обезьяну.

Выслушав все это, Каштан пододвинулся вперед и сказал убежденно:

– Из того, что я только что слышал, я вижу, что причиной ссоры послужил мой товарищ, плод каки, и вот я, тоже плод, считаю себя обязанным стать пособником господину Крабу в отмщении. Приказывай, пожалуйста, что находишь нужным.

Оса тоже не захотела отстать.

– А я, – сказала она, – очень рада случаю всадить свое копьё и отомстить этой подлой Обезьяне, которая причиняла мне немало горя, засоряя мои жилища.

Ступка была очень обрадована таким единодушием этих молодцов.

– У меня просто прибавляется сил оттого, что вы так охотно соглашаетесь. Ну так вот, у меня есть некоторый план, не знаю только, как он понравится вам.

– Какой план?

– Во всех планах вообще самое важное – скрытность, пододвиньтесь-ка сюда поближе.

– Слушаем.

Говорят, что если три человека совещаются вместе, то и сам Мондзю[23 - Мондзю – ученик Сакьямуни (Будды), известный своей мудростью.] не сможет придумать ничего мудрее. Ступка, Каштан и Оса, склонившись друг к другу, начали вырабатывать какой-то секретный план и, ведя свои переговоры шепотом, пришли наконец к какому-то решению.

– Будем же внимательны, – говорил один.

– Не вложим меча в ножны! – мужественно восклицал другой.

На этом они и расстались.

Ступка, которая была особенно дружна с отцом Краба, отправилась вместе с ним в его жилище и, обрядив как следует тело покойного, благоговейно поклонилась его праху. Обратимся теперь к Обезьяне. Убив незаконно Краба, забрав все спелые каки, она была довольна, что ловко обделала дельце, но, сознавая все-таки, что она сделала скверное дело, за которое ей, наверное, должны отомстить родственники покойного, она ожидала от них страшной мести. Мысль об этом беспокоила ее, и она несколько дней сидела у себя дома, никуда не показываясь и томясь скукой.

Но не занимать наглости Обезьяне. «Нет, – решила она, – ничего подобного не может быть. Когда я убивала Краба, там не было никого постороннего, опять же Краба я забила насмерть, а мертвые не говорят; следовательно, никто не может и знать, что это дело моих рук, а раз никто этого не знает, то зачем мне самой расстраивать себя и наводить на себя страх? Да, конечно, нечего мне тревожиться об этом».

Успокоив себя такими доводами, она выбрала денек и осторожно пробралась к жилищу Краба с целью незаметно поразведать положение дел. Все оказалось точь-в-точь так, как она решила. Молодой Краб вовсе и не думает ей мстить. Родственники покойного пришли к тому заключению, что старик сам неосторожно залез на дерево, желая нарвать каки, но так как панцирь на спине у него очень тяжел, то ноги не выдержали; он кувырком полетел с дерева вниз и, упав на валявшиеся во множестве твердые, недозревшие каки, разбился насмерть. Причина, значит, в собственной его неосторожности, он, как говорится, что посеял, то и пожал, и мстить за это, конечно, некому. Обезьяна успокоилась и решила, что если дело обстоит так, то недурно было бы ей

отправиться к молодому Крабу и выразить свои соболезнования по поводу этого несчастья. Вот она, обезьянья мудрость: глубоко тонет, да мелко плавает.

Так обстояло, значит, все дело. Но вот приходит однажды к ней посыльный от Краба. Раздумывая, зачем это он пришел, Обезьяна ввела его внутрь жилища и приготовилась выслушать.

– На днях господин наш, старый Краб, желая нарвать плодов каки в саду, залез, чего бы, собственно, ему не следовало делать, на дерево. Дело, конечно, для него непривычное; поскользнувшись, он кувырком полетел вниз и тут же испустил дух, разбившись о землю. Сегодня исполняется как раз седьмой день[24 - Сегодня как раз седьмой день... – моления об умерших совершаются в течение 70 дней со дня смерти, через каждые семь дней.] со времени его кончины. Ты была с ним в большой дружбе, и сын покойного просит тебя пожаловать на поминки, извиняясь наперед за скромность постного[25 - ...извиняясь наперед за скромность постного... – по случаю смерти.] угощения. Кроме того, он просит тебя принять в знак памяти само дерево каки, которое ему не нужно. Он приказал мне просить тебя пожаловать к нам сейчас же вместе со мной. – Посыльный доложил все это очень вежливо.

Выслушав его, Обезьяна сделала вид, что очень поражена:

– Что такое? Господин Краб упал с дерева в саду и разбился насмерть? Да не может быть! Я просто ушам своим не верю. Ай, ай, какое несчастье! Должна сказать правду, есть тут немного и моего греха. С детства еще жили мы с Крабом душа в душу. Восемь лет тому назад прогуливались мы как-то около одной реки, и господин Краб нашел колобок, а я – семечко каки. Мы тогда же и поменялись этими штуками. Подумать только, что это злополучное дерево выросло из того самого семечка каки. Жаль, тем более жаль, что сама я, значит, немного замешана в этом... Знай я только, что выйдет такая история, ни за что бы не дала ему этого семечка, но он так упрашивал, что я поневоле должна была уступить... А теперь... вот поди же, какая история... Просто слов не нахожу.

То ли она лизнула потихоньку перец, но слезы полились у нее неудержимо, и она заплакала самым непритворным образом.

«И откуда берется только у нее? – диву давался посыльный. – Ну да посмотрим, скоро мы заставим тебя заплакать настоящими слезами».

Но он не подал никакого виду и еще почтительнее сказал ей:

– Как тебя расстроило это, как ты горюешь! Покойный барин Краб радуется, наверное, в глубине своей могилы. А какой ответ прикажешь доложить моему господину?

– Само собой разумеется какой. Я очень виновата, что, не зная о случившемся, не пришла до сих пор выразить свои соболезнования, но я хочу исправить свой промах и сейчас же отправлюсь поклониться усопшему.

– Как доволен будет молодой господин тем, что ты так охотно выразила свое желание пожаловать. Ну, я пойду немного впереди.

– Я сейчас же следом.

– С нетерпением будем ожидать.

– Сейчас, сейчас буду.

– Пока до свиданья.

– До свиданья, очень благодарна.

Когда посыльный ушел, Обезьяна заговорила сама с собой:

– Ну, конечно, так. У этого болвана Краба зря только глаза навывкате, ничего он ими не видит; ни на что путное он не годится. Взять хоть бы вот теперь: он совершенно не замечает своего врага, который тут же, подле. Наоборот, этого же врага он настойчиво приглашает на поминки, упрашивает принять дерево на память... Правду говорит пословица: «Вору же и награда». Дурак, ну дурак! Но не будем, однако, болтать об этом, все это в мою же пользу. Пойдем, пойдем на их поминки.

Чем дальше, тем наглее и наглее становилась Обезьяна. Принарядившись как следует, она отправилась в жилище Краба. Там ее почтительно встретили, склонившись до земли, родственники Краба, чинно рассеявшиеся справа и слева у каменной ограды. Видя это, Обезьяна с надменным видом медленно

проследовала между ними в переднюю. Здесь ожидал слуга Краба, который, завидя ее, с приветствием почтительно согнулся, провел ее коридором во внутренние комнаты и пригласил сесть на приготовленное для нее место.

Обезьяна уселась, где ей было указано, и стала отдыхать.

Спустя немного времени вышел к ней хозяин, молодой Краб.

– Добро пожаловать, госпожа Обезьяна. Прошу извинить, что принимаю теперь в таком убогом жилище, – вежливо приветствовал он ее.

– А-а! Сын покойного Краба! Неожиданно постигло тебя такое несчастье, воображаю, как должно быть тебе тяжело, – отвечала Обезьяна, с важностью высказывая свои соболезнования.

Тем временем начались хлопоты по приему гостя.

Внесли маленький столик с кушаньями, принесли сакэ.

Обезьяна была чрезвычайно довольна и, видя, что за ней так ухаживают, совсем забыла про осторожность и стала угощаться, что называется, до отвала.

После обеда ее провели в чайную комнату, где предстояло пить чай по всем правилам чайной церемонии. Попросив ее отдохнуть здесь, молодой Краб вышел. Прошло уже порядочно времени, а он все не возвращался.

«Я слышала, что чайная церемония[26 - Чайная церемония – в торжественных случаях чаепитие в Японии сопровождается особым сложным ритуалом. Изучение правил чайной церемонии входило в программу воспитания девушек из дворянских семей.] – очень долгая история, но мне совсем не под силу терпеть так долго. Ах! Хорошо бы поскорее попить чайку, в горле совсем пересохло», – подумала она.

Обезьяна начала отрезвляться и стала ощущать сильную жажду. Потеряв всякое терпение и желая выпить хотя бы чашку кипятка, она подошла к жаровне, но только приложила руку к крышке котла, как спрятавшийся заранее в жаровне Каштан, рассчитав, что наступил подходящий момент, выпалил в нее так, что

только бухнуло, и поразил ее в шею.

Это было для Обезьяны полной неожиданностью, и, ахнув, она повалилась. Но не такая это тварь, чтобы можно было уложить ее одним выстрелом.

– Ой! Ж...ж...жжет! – завопила она и, зажимая рану, стремительно вылетела из чайной.

Тут снаружи дома поджидала ее спрятавшаяся под свесом кровли Оса.

– Ага! Тебя-то мне и нужно, горная Обезьяна, – воскликнула она, выставив громадное острие своего копья и сразу же всадив его в щеку Обезьяны.

Одна засада за другой; совсем растерялась Обезьяна и, решив, что из всех тридцати шести способов сражаться в настоящее время наилучшим будет бегство, ибо жизнь дороже всего, прикрыла голову и опрометью кинулась к выходу. Но здесь ее уже поджидала Ступка, укрывшаяся в каменной ограде. С глухим криком навалилась она на голову пробежавшей Обезьяны и придавила ее к земле. Как-никак, а в насевшей на нее Ступке было не меньше трех пудов, под ее тяжестью Обезьяна не в силах была и шевельнуться, она только жалобно стонала.

Тут прибежал успевший уже переодеться в боевую одежду молодой Краб и, поблескивая перед самым лицом Обезьяны своими унаследованными от отца клешнями, холодно рассмеялся, увидев ее в таком положении:

– А как ты думаешь, горная Обезьяна, что будет теперь?

– Да, конечно, мне о том...

– Конечно. Об этом и говорить нечего. Ловко же ты убила злодейским образом моего отца.

– Нет... Он сам вследствие...

– А! Ты все стоишь на том же. Ну так я заставлю замолчать твой лживый язык, – сказал он и, раскрыв с щелканьем свои клешни, тут же напрочь отсек голову

Обезьяне.

Так славно Краб отомстил Обезьяне за своего отца.

Зеркало Мацуяма

Давно тому назад в местечке Мацуяма провинции Этиго жили-были муж с женой. У них был ребенок, девочка, которую они очень любили. Так жили они себе припеваючи, не нарадуясь на свое ненаглядное детище.

Но вот случилось, что по неотложным делам мужу надо было отправиться в столицу. Теперь есть извозчики, есть железные дороги; отправляйся себе куда хочешь, но в те давно минувшие времена не было ничего подобного. Знатным и важным господам, может, и не приходилось, но простому люду оставалось только отмахивать целые сотни верст на собственной, унаследованной от родителей паре, по образу пешего хождения. От Этиго до столицы (в то время столица была в Киото) не то что рукой подать, много времени надо было, чтобы добраться до нее, и, конечно, хлопот, сборов и опасений было не меньше, чем теперь при поездке за границу.

И у мужа, оставлявшего свой дом, и у остающихся жены и дочери – у всех на душе было тоскливо и непокойно.

– Я постараюсь вернуться как можно скорее; смотри же домовничай тут без меня хорошенько... да чтобы с дочкой, гляди, не случилось чего, – наказывал муж.

– А вы, пожалуйста, будьте осторожны в пути, берегите себя да поскорее возвращайтесь, как только покончите дела, – говорила жена, и на глаза ее набегали слезы.

Тут подошла дочурка, наивный, еще не видавший света ребенок, которому казалось, что это путешествие не больше как побывка в соседней деревне. Не горюя поэтому особенно и любовно цепляясь за рукава отца, она стала просить его принести гостинца из столицы, обещая хорошо вести себя в его отсутствие.

Тяжелое дело разлука, если расстаются даже на короткое время. С одной стороны, неудержимо тянет что-то назад, а с другой – гонит вперед дело, которого никак нельзя бросить. Наконец муж решительно поднялся и вышел из ворот своего дома. Жена провожала его до ворот с маленькой дочкой на руках и долго еще смотрела ему вслед, пока дорожная шляпа его не скрылась в туманной дали.

– Ну, – сказала мать, – отец ушел, и тебе теперь приходится оставаться только с мамой, надо быть послушной, деточка!

Девочка утвердительно кивнула головкой:

– Я буду послушной, а получу я гостинец от папы, когда он вернется?

– Получишь, получишь. Я просила отца купить тебе то, чего ты больше всего хочешь, куклу; он непременно купит.

– Ах! Как это хорошо.

При виде радостного, веселого личика дочери мать почувствовала еще больше нежности к ней.

Когда у нее бывало свободное время, она принимала участие в играх девочки, рассказывала ей поучительные сказания древности, и так коротали они скучные дни и месяцы.

Покончив со своими делами, вернулся из столицы хозяин. За время долгого пути он так загорел, что был почти неузнаваем, но любящее сердце всегда подскажет; только лишь завидели его жена и дочурка, так тут как тут обе повисли у него справа и слева. Во время взаимных расспросов и приветствий, задержавшись только, чтобы снять дорожную шляпу и сандалии, вошел он в сопровождении их в дом.

Усевшись на своем месте, раскрыл он дорожную корзинку и достал оттуда красивую куклу.

– Вот тебе подарок в награду, что хорошо хозяйничала, дочка, без меня, – сказал он, передавая куклу дочурке.

Поблагодарив отца, взяла девочка куклу своими красными ручонками. Она была в восхищении, ведь это совсем не то, что привозится вообще сюда на продажу с товарами из столицы. С сияющим от радости лицом ребенок занялся куклой.

Затем муж достал из своей корзинки зеркало.

– А вот и тебе гостинец, – сказал он, отдавая зеркало жене.

Жена почтительно взяла его и стала рассматривать. Выросшая в горной, глухой деревушке Этиго, особенно в те еще темные времена, никогда не видала она ничего подобного и теперь смотрела на него с недоумением.

– Что же это, собственно, за штука? – спросила она. Муж рассмеялся.

– Эта штука называется зеркалом, в него можно смотреться. Как меч составляет душу самурая[27 - Самураи – класс воинов, состоявших на службе у сёгуна и даймё (см. примеч. 32).], точно так душой женщины является зеркало. В нашей священной Японии есть три заветных сокровища[28 - Эти три сокровища, эмблемы божества: меч, чудодейственный камень и металлическое зеркало. Зеркало, по мнению некоторых японских писателей, отождествляет само божество – богиню солнца. Оно хранится в ящике, завернутом в бархатную материю, из которой никогда не вынимается; когда материя истлевает, оно обертывается новой поверх истлевшей.], и одно из них – это зеркало. В такой деревне, как наша, конечно, не достать его при всем желании, но я давно уже слышал, что в столице они есть, и вот теперь, воспользовавшись удобным случаем, раздобыл-таки одну штуку. Смотри же обращайся с ним бережно.

Узнав, что это за штука, жена пришла в восхищение.

– Теперь я буду считать просто за свою душу это драгоценное зеркало и, конечно, буду обращаться с ним со всей осторожностью, – сказала жена и, почтительно подняв его несколько раз в уровень с головой, тут же уложила его в шкатулку.

После этого началось угощение дорогого гостя, который с наслаждением отдыхал в родной обстановке от своего длительного утомительного путешествия. Долго не выдавшиеся муж, жена и маленькая дочурка собрались теперь вместе и толковали о том о сем и все не могли наговориться...

А затем год за годом потекла обычная, без всяких происшествий жизнь. Окруженная любовью и заботой, благополучно росла да росла дочурка и вот наконец стала уже на возрасте.

Но не одно только хорошее есть на свете, и месяц не всегда бывает круглым, и цветы распускаются не каждый день. Так и на этот счастливый дом неожиданно-негаданно нагрянула беда. А случилось ни больше ни меньше как то, что жена вдруг заболела.

Вначале ее болезнь была только легкой простудой. И об этом особенно не беспокоились, но шло время, а она не только не поправлялась, но, наоборот, чувствовала себя все хуже и хуже, и дошло до того, что и сам врач отложил в сторону свою ложку и призадумался, склонив голову набок.

Конечно, любящая и почтительная дочь приняла на себя все заботы о матери, как только она заболела. Она безотлучно находилась у изголовья больной, поила ее лекарствами, растирала ее и всячески ухаживала за ней, сама почти не смыкая глаз. Но неисповедимы судьбы человеческие. Почтительная любовь и преданность дочери, лекарства врача – все это, по-видимому, было бессильно...

Однажды мать притянула дочь поближе к своему изголовью и, держа ее за руку, долго всматривалась ей в лицо, а потом, вздохнув, горько заговорила.

– Теперь мне уже, видно, не выздороветь, и если я умру, ты должна еще больше, еще нежнее и почтительнее проявлять свою дочернюю любовь к отцу.

– Что ты, мама! Зачем говоришь ты такие печальные вещи? Ты скоро-скоро поправишься. А как будет тогда рад отец!

– Радостно мне слышать слова твои... От души хотела бы я, чтобы сбылось все, что хочется тебе, любящая дочь, но... все в мире предопределено, остается только с покорностью подчиниться этому. Так вот, есть у меня одна вещь,

которую я хочу оставить тебе.

Тут она достала из-под изголовья шкатулку, которая все время хранилась там, и вынула из шкатулки зеркало.

– Это редкое, чудодейственное сокровище, называют его зеркалом. Его купил мне в подарок твой отец давно, когда ходил в столицу. Я оставляю его тебе на память обо мне. Когда после моей смерти ты затоскуешь обо мне, достань это зеркало и смотри в него... Всегда неизменно ты увидишь в нем меня.

Она передала зеркало дочери и, передав в этих словах все, что ей хотелось, высказав свою последнюю волю, стала дышать все слабее и слабее и любящей матерью, как была, тихо-тихо отошла в иные, светлые обитатели.

Велико было горе, беспредельно было отчаяние дочери и мужа. Приникнув к охладевшим останкам, как в безумии, неудержимо рыдали они. Но что можно поделывать! Придя понемногу в себя, они совершили похоронные церемонии, как полагается по обряду, и, благоговейно преклонив колени, вознесли моления об усопшей.

Но шли дни за днями, а скорбь и печаль в нежно любящем сердце дочери не уменьшались и не уменьшались. Полюет ли дождь, подует ли заунывно ветер, всегда, при всяком случае, с тоской в душе вспоминала она о покойной матери и скорбно рыдала... Но вдруг она вспомнила предсмертные слова матери.

«Тогда, оставляя мне на память о себе зеркало, она сказала, что, когда бы я ни посмотрела в него, она сейчас же явится в нем. Удрученная скорбью, я совсем забыла об этом. Достану его теперь, посмотрю», – подумала девушка и, вынув зеркало из шкатулки, стала пристально смотреть в него.

И тут совершилось чудо. В зеркале появилась фигура матери, точь-в-точь какой была она в молодости... она, совсем она, вот-вот заговорит.

Девушка была поражена и вне себя от радости воскликнула:

– Значит, душа матери переселилась в это зеркало и, проникшись сожалением ко мне, появляется в нем, когда я начинаю тосковать по ней. О, благодарю,

благодарю тебя. Какую радость дала ты мне!

С тех пор и утром, и вечером смотрела она в зеркало и тем облегчала глубокую скорбь свою.

Между тем со смерти матери прошел год, и вдовый муж, уступая настояниям родственников, ввел в дом другую жену, которая стала девушке мачехой. Но, несмотря на то что она была не родной матерью, а только мачехой, кроткая по характеру девушка не сторонилась ее и почитала все равно как свою родную мать. Несогласий и раздоров у них не было, и отец совершенно успокоился. Но недолго было так.

Как-никак, а неглубокой души все-таки существо женщина – мало-помалу начались со стороны мачехи придирки. Нет-нет да и начнет она наговаривать мужу про падчерицу не то, так другое, но муж, зная, что таковы уж все мачехи, не брал совсем во внимание ее наговоров; наоборот, еще больше, еще нежнее стал любить свою дочь, так как к любви примешалась и жалость к ней. Это еще больше злило мачеху, и хоть она и не высказывала на словах, но в глубине души замыслила злое дело – так или иначе выгнать падчерицу совсем из дома. Какое неразумие, какое жестокосердие – возненавидеть невинное существо из-за того только, что нет детей у самой!

Утирая рукавом притворные слезы, обратилась однажды мачеха к мужу:

– Отпустите меня, пожалуйста, совсем из дому обратно к моим родным. – Она сказала это с глубокой печалью.

Муж был поражен такой неожиданностью:

– Что ты говоришь? Отпустить тебя совсем к твоим родным? Разве тебе противно жить у меня в доме, ты не хочешь быть мне женой?

– Смею ли я говорить такое? Мне и во сне не снилось, чтобы я не хотела жить здесь, чтобы мне противно было... Но если я останусь здесь в тех условиях, как сейчас, то жизни моей грозит опасность. Лучше уж, я думаю, теперь же отпустить меня совсем; вот почему и прошу я об этом.

Заливаясь слезами, она распостерлась почтительно перед мужем. Мало-помалу муж стал прислушиваться к ее словам.

– Что же грозит опасностью твоей жизни? В чем, собственно, дело?

– Падчерица, кто же больше. Она смотрит на меня как на мачеху и, возненавидев меня, задумала страшное дело – извести меня совсем. С некоторого времени она стала запирается у себя в комнате и, колдуя там над сделанным из дерева моим изображением, хочет в конце концов отнять у меня жизнь.

Выслушав ее подробно, муж не придал было особенного значения ее словам, считая их не более как наговором вроде прежних, но тут он вспомнил, что действительно, с некоторого времени дочь все запирается у себя в комнате и почти не показывается на глаза. Значит, в словах мачехи есть все-таки некоторая доля правды. Наполовину веря, наполовину нет и не решаясь высказать свое суждение, он решил, что самое лучшее – пойти ему в комнату дочери и выяснить, что в этом правда, а что ложь. Успокоив всячески жену, он неслышными шагами направился в комнату дочери.

Падчерица смотрела на мачеху все-таки как на мать и стала привязываться к ней, несмотря на то что она была ей не родная мать; но мачеха со своей стороны не платила ей тем же, мало того, она еще наговаривала на нее отцу. Видела и знала все это падчерица, и тем больнее становилось на душе у нее, каждое утро, каждый вечер плакала она, а вместе с тем больше и больше тосковала она по родной своей, давшей ей милость увидеть свет матери. Что ни утро, что ни вечер, чуть только урвется у нее свободная минута, уходила она в свою комнату и, вынув заветное зеркало, не отрываясь, глядела в него.

В этот день тоже, как и всегда, затворившись в своей горенке, смотрела она в зеркало, как вдруг неожиданно отодвинулась передвижная дверь и кто-то вошел в комнату. Девушка обернулась, перед ней – отец. Смутившись, она быстро спрятала зеркало в широкий рукав одежды.

Лицо отца выражало большое недовольство.

– Послушай, дочь! Что ты делаешь теперь здесь одна? Что такое спрятала ты сейчас? – строго начал он допрашивать дочь.

Перепуганная девушка только тряслась от страха, но ничего не отвечала. Отец разгневался еще больше:

– Правду, значит, говорит мне жена, что, любя сильно покойную мать, ты задумала извести ее, другую твою мать, и втихомолку занимаешься колдовством. Родная, неродная, но мать есть мать, а дочь – дочь, и сколько втолковывал я тебе раньше, что ты от всей души должна выказывать по отношению к ней дочерние чувства. Какой демон совратил тебя с пути, что ты стала такой бездушной, ты – несчастное существо, не знающее, что такое дочерняя почтительность и любовь.

Он увещевал и упрекал дочь, и слезы гнева стояли в глазах его. Можно ли было смолчать девушке на эти упреки в том, в чем неповинна она была ни телом, ни душой.

Как огонь, вспыхнула она и, обхватив колени отца, заговорила:

– Слушай, отец! Жалости у тебя нет, если позволяешь себе говорить так. Пусть я глупа, пусть зла, но неужели позволю я себе колдовать над тою, которую ныне зову матерью? И во сне никогда не снилось мне такое. Это, наверное, наговорил тебе кто-нибудь, и затмилось сердце твое. А если не так, то самого тебя, отец, смутил дьявол. Я же чиста и непорочна в этом, как утренняя роса.

Но не внял отец словам ее:

– Зачем затворяешься ты последнее время у себя в комнате? Мало того, сейчас вот, лишь только увидела ты меня, что ты спрятала в рукав? Покажи сейчас же, что это такое.

«Отец все еще сомневается. Остается только признаться во всем, так будет лучше», – подумала девушка и вынула из рукава зеркало.

– Вот что. Я смотрела в него, – сказала она, кладя зеркало перед отцом.

Он не ожидал этого:

– Да ведь это то самое зеркало, что я когда-то принес в подарок твоей матери из столицы. С какой же, собственно, целью смотрела ты в него?

– Ах! У этого зеркала особое чудесное свойство.

Затем девушка подробно, без утайки, передала отцу предсмертное завещание покойной матери, но отец все еще как будто был в сомнениях.

– Душа матери находится в этом зеркале, и всякий раз, как ты начинаешь тосковать по ней, она появляется в нем? Невероятно это что-то.

– Нет, нет, я ничуть не лгу. Ты не веришь? Вот, смотри! – Поставив зеркало против своего лица, так что оно отразилось в нем, она убежденно воскликнула: – Вот она. Ты все еще будешь сомневаться?

При виде этого отец только всплеснул руками:

– Действительно, ты удивительно почтительная, любящая дочь. Лицо, которое отражается в зеркале, это твое собственное лицо. Ты считаешь его изображением матери, но ведь ты и покойная мать точь-в-точь похожи одна на другую, это именно и думала тогда мать, завещая тебе зеркало, в этом сказала ее мудрость. Не зная этого, ты видела в нем только изображение матери и облегчала скорбь свою, глядя на него каждое утро, каждый вечер... Нет, не козни в этом, глубокая любовь дочери сказала тут. Я глубоко тронут этим. И как только мог я не понять таких чувств, как мог поддаться словам твоей мачехи, чуть не возненавидеть тебя, делать тебе упреки! Прости меня, дочь моя!

Сильная жалость к своему детищу-дочери пронзила все существо его, и он залился слезами. Стоявшая давно уже за дверью и наблюдавшая за всем происходившим мачеха вдруг решила на что-то и, войдя быстро в комнату, преклонилась перед девушкой:

– Виновата я, виновата. Не зная твоего преисполненного дочерней любви сердца, я по свойственному мачехе чувству сильно возненавидела тебя, не знающую ненависти, тебя, ни в чем не повинную. Я обвиняла тебя в колдовстве, когда ты только всего и делала, что смотрела в зеркало. Я наговорила на тебя отцу. Велико заблуждение, велика вина моя. Но изменилась отныне душа моя, и хотя не родная дочь ты мне, хотя не рожала я тебя в болях и муках, все же

буду любить я тебя, сколько есть сил моих. Пусть все, что было до сих пор, забудется, как водою унесенное, прошу тебя, люби меня, как родную мать свою.

Краска раскаяния покрыла лицо ее, и она, не переставая, просила прощения.

Успокоился тогда и отец. Еще от себя стал он делать увещевания и наставления им обеим. После этого мачеха и падчерица стали дружны и неразлучны, как рыба с водою. Никогда уже больше не появлялось у них и тени несогласия...

И стала легка им жизнь, и стал их дом полной чашей.

Дед Ханасака

В давние-стародавние времена жили-были в некотором месте дед да баба. Было у них маленькое поле, и жили себе старики потихоньку-полегоньку, горюя об одном только, что у них нет детей. Если что и было кой-какой утехой в их одинокой старой жизни, так это жившая у них собака. Собаку звали Сиро[29 - Сиро - букв.: «Белка» (белая собака).], и старики любили и холили ее как свое собственное чадо, как любят бабочек, как холят цветы. Кошка, говорят, в три дня забывает о милостях, которыми пользовалась в течение трех лет, но собака и в три года не забудет трехдневной ласки. Между животными нет ни одного, которое осознавало бы великую добродетель преданности так хорошо, как собака. Так и Сиро, пользуясь расположением и любовью стариков, со своей стороны платил им глубокой привязанностью в благодарность за их ласку. Днем он неизменно отправлялся с дедом в горы за хворостом для топлива, ночью, верная душа, из сил выбивался, охраняя дом и поле, и старики с каждым днем любили его больше и больше. Отказывая себе в лакомом кусочке, они отдавали его Сиро и были довольнешеньки, когда видели, что это ему нравится.

По соседству с ними жили тоже старик да старуха. Старик сосед был порядочно-таки злым старикашкой и давно уже ненавидел Сиро. Стоило только Сиро просунуть свой нос в их кухню, как старикашка подымал целый гвалт, крича так, как будто у него утащили всю живность, а то еще иногда так запускал в Сиро поленом, что тому приходилось не раз похрамывать.

Вот однажды Сиро начал что-то усиленно лаять на поле за домом. Думая, что, должно быть, на пашню опять поналетело воронье, дед вышел из сада и пошел посмотреть. Завидев его, Сиро подлетел к нему с радостным видом и, схватив его зубами за край одежды, потащил за собой в дальний угол поля. Там в углу рос огромный вяз, и Сиро начал усиленно скрести лапами землю под вязом. Дед никак не мог взять в толк, в чем тут дело.

- Что такое, Сиро? - спросил он.

Сиро опять начал обнюхивать землю.

- Рой здесь. Гав-гав! Рой здесь. Гав-гав! - залаял он.

- Ага! Он хочет, чтобы я взрыл это место; тут, значит, есть что-нибудь, - понял наконец дед. - Это хочешь ты сказать, Сиро? Ну ладно, ладно.

Живо принес дед из амбара кирку и вогнал ее сильным ударом в землю, но не успел он еще выворотить глыбы, как под киркой что-то зазвенело и заблестело в воздухе.

- Ой, это что такое?! - воскликнул дед, взяв в руки и разглядывая. Сомнений быть не может, это древняя золотая монета.

«Чудно», - подумал дед и начал еще рыть. Еще одна, еще и еще, монет набралась целая куча, и все как одна блестящие натуральным золотым цветом.

Дед был так поражен этим, что просто не мог прийти в себя. Сейчас же позвал он свою старуху, и вдвоем они перенесли клад в свой домишко. Конечно, клад достался ему в полную собственность как вырытый на его собственной земле, и дед стал вдруг богачом. Так как клад найден был благодаря Сиро, то, само собой разумеется, старики стали относиться к нему еще любовнее, еще заботливее.

На следующий день старик сосед, очевидно задумав что-то, пришел к деду и в самых вежливых выражениях стал просить дать ему Сиро на некоторое время.

– Как ни совестно мне просить, – говорил он, – но не откажи, пожалуйста, одолжить мне господина Сиро на короткое время.

«Что за перемена?» – подумал дед, которому странной показалась просьба соседа, всегда ненавидевшего и преследовавшего Сиро, но дед был доброй души.

– Ладно, – сказал он, – возьми, пожалуйста, если он нужен тебе на что-нибудь.

Сосед увел Сиро к себе. Ухмыляясь себе под нос, вернулся он домой, довольный, что так легко обделал дельце.

– Ну, старуха, выманил-таки я Сиро. Вот он. Теперь надо только хорошенько воспользоваться им, не будем внакладе. Давай-ка сюда поскорее кирку.

Взяв принесенную старухой кирку, он пошел с ней на поле позади дома; там рос у него тоже огромный вяз. Придя под вяз, он обратился к приведенному с собой Сиро:

– Ну ты, животинка! В вашем доме под вязом нашлись золотые монеты, отчего же не быть им и под моим вязом? Ну, скреби лапами, где они? Где? Здесь?.. Здесь?..

Прижав Сиро носом к земле, он силой заставлял его нюхать землю. Бедняга Сиро не выдержал и заскреб лапами.

Старикашка обрадовался:

– Вот и отлично! Значит, здесь! Ладно, ладно. Посторонись-ка малость.

Поплевав на руки, он изо всех сил всадил с размаху кирку в землю.

– А ну зазвени, заблести! Что, нет? Ударим еще раз. Зазвени, заблести! Нет? Ну еще разик. Да ну же, зазвени, заблести.

Несколько раз ударил он киркой, а монет нет как нет. Да что монет... хоть бы остаток стоптанной сандалии, так и того нет.

- Эге, значит, они глубоко забрались!

Он все продолжал рыть и рыть, бормоча себе под нос. Вдруг из-под земли пошел самый отвратительный, какой только можно представить себе, запах, и в то же время перед глазами открылась яма, полнехонькая собачьего помета.

Старик пришел в бешенство:

- Так вот как! Для своих ты находишь только золото, а для других один помет. Стой же, поперечная тварь! Задам я тебе выучку.

Сиро хотел было удрать, но старик тут же на месте пригвоздил его несколькими ударами кирки и забил насмерть.

- Наслаждайся сам теперь этим, - сказал он и, бросив Сиро в яму, засыпал его землей, а сам как ни в чем не бывало спокойненько пошел домой.

Давно уже поджидали старики своего Сиро; времени прошло много, а его все нет да нет. Ими овладело беспокойство. И вот старик решил сам сходить к соседу за Сиро:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Момо – букв.: «персик», таро – приставка к имени старшего сына.

2

Бути – букв.: «пестрый».

3

Масира – название породы обезьян.

4

Кигису – золотистый фазан.

5

Хико-Хоходэми – может приблизительно значить «принц – огненная любовь». Это имя труднообъяснимо. Микото – почетный титул, прибавляемый к именам синтоистских божеств в значении «божество», «божественный», «почитаемый».

6

Ямасати-хико – букв.: «принц – счастливая охота».

7

Хико-Хэносусори – букв.: «принц – распространение огня».

8

Умисати-хико – букв.: «счастливая рыбная ловля».

9

Окина – «старик», почетная приставка к именам известных чем-нибудь престарелых лиц. Сёдзүти-но-окина – «старец соленая земля» (как, например, дно моря).

10

Кацура – кассия (*Cercidiphyllum japonicum*).

11

Таманои – букв.: «нефритовый колодец». Нефрит считается волшебным, чудодейственным, благовестным камнем.

12

Тоётама-химэ – букв.: «богатая принцесса». Хи-мэ – почетная приставка к именам знатных девушек.

13

Тамаёри-химэ – букв.: «принцесса, опирающаяся на жемчуг».

14

Сакэ – рисовая водка, выделяемая в Японии.

15

Кото – музыкальный инструмент вроде большой арфы.

16

Бонит – рыба из семейства скумбриевых (*Thunnus pelamis*).

17

Тоса – одна из провинций на Сикоку; в Тосе очень много бонитов.

18

Двузубка колючая – рыба из семейства иглобрюхих (*Tetrodon*); ее мясо очень вкусно, хотя в некоторые периоды года бывает ядовито.

19

Кому – рыба из семейства плоскоголовых (*Platycephalus*).

20

Тай – пагр, или мрежник серебристый (*Pagrus cardinalis*).

21

Краб – морской короткохвостый рак.

22

Каки – хурма, персимон (*Diospyros kaki*).

23

Мондзю – ученик Сакьямуни (Будды), известный своей мудростью.

24

Сегодня как раз седьмой день... – моления об умерших совершаются в течение 70 дней со дня смерти, через каждые семь дней.

25

...извиняясь наперед за скромность постного... – по случаю смерти.

26

Чайная церемония – в торжественных случаях чаепитие в Японии сопровождается особым сложным ритуалом. Изучение правил чайной церемонии входило в программу воспитания девушек из дворянских семей.

27

Самураи – класс воинов, состоявших на службе у сёгуна и даймё (см. примеч. 32).

28

Эти три сокровища, эмблемы божества: меч, чудодейственный камень и металлическое зеркало. Зеркало, по мнению некоторых японских писателей, отождествляет само божество – богиню солнца. Оно хранится в ящике, завернутом в бархатную материю, из которой никогда не вынимается; когда материя истлевает, оно обертывается новой поверх истлевшей.

29

Сиро – букв.: «Белка» (белая собака).

Купить: https://tellnovel.com/ru/sandzin_sadzanami/skazaniya-drevney-yaponii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)